

Содержание

Введение.....	7
Глава 1	
Сила слова.....	19
Глава 2	
Терпимость к словам.....	40
Глава 3	
Рождение свободы слова.....	55
Глава 4	
Облики свободы.....	91
Глава 5	
Эксперименты эпохи Просвещения.....	123
Глава 6	
Случайная исключительность Первой поправки.....	160
Глава 7	
Легитимные и нелегитимные формы выражения мнений.....	204
Глава 8	
Имперские перипетии.....	241
Глава 9	
Колониальные и постколониальные ограничения свободы.....	300
Глава 10	
Рынок идей.....	339
Послесловие	
От прошлого к будущему.....	437
Благодарности.....	454

Введение

Всегда ли существовала свобода слова, и если нет, то когда и как она появилась?

Я никогда не задумывался об этом, пока несколько лет назад мою книгу не перевели на китайский язык, а меня не пригласили рассказать о ней в материковом Китае. В книге речь шла об эволюции сексуального поведения, и не было ничего удивительного в том, что читатели в разных странах реагировали по-разному. Но в тот раз я столкнулся не только с этим. Хотя контракт запрещал вносить изменения, перевод подвергся цензуре — когда пришли гранки, я заметил, что некоторые фрагменты отсутствуют. Как выяснилось, редактор удалил их, посчитав неуместными. Когда я запротестовал, в дело вмешался главный редактор. В итоге мне сообщили по электронной почте, что издатели передали мои жалобы «должностным лицам в Бюро печати и публикаций» в Нанкине — именно за ними остается последнее слово. Эти официальные цензоры согласились восстановить некоторые купюры, но настояли на удалении остальных.

В Китае цензуру трудно не заметить. Газеты, телерадиокомпании и издательства принадлежат государству и должны следовать его идеологическим установкам — миллионы невидимых контролеров круглосуточно следят за происходящим в интернете. Путешествуя по стране, я осознал, что являюсь свидетелем

своего рода исторического феномена. В эпоху интернета, этой самой передовой технологии свободного выражения, Коммунистическая партия Китая, задействовав ранее созданные инструменты контроля общественного мнения и кое-что новое, одерживала верх.

Происходило невероятное. Десятилетиями западные политики твердили, что экономическая свобода неизбежно приведет к политической либерализации китайского общества. В начале XXI в. они также считали: распространение Всемирной паутины ускорит этот процесс. Свобода слова должна была распространяться глобально параллельно развитию свободной торговли. Китайцы, возможно, и попытаются укротить интернет, как иронично заметил американский президент Билл Клинтон в 2000 г., но это вряд ли им удастся. «Я пожелаю им удачи! Это все равно что решетом воду черпать».

И все же то, что я обнаружил, не стало для меня неожиданностью. Моя поездка состоялась в 2015 г., когда Хиллари Клинтон считалась наиболее вероятным претендентом на место следующего президента Соединенных Штатов. Десятилетием ранее китайские издатели тайно подвергли цензуре ее мемуары и переписали или удалили многие фрагменты, затрагивающие политически острые темы. Клинтон, узнав об этом, заявила, что их действия «возмутительны, но бесполезны» — в эпоху киберпространства китайские граждане все равно узнают правду.

Я обратил внимание на эту историю, поскольку то самое китайское издательство, которое так поступило с ее книгой, теперь публиковало мою. А потом, в последний вечер моего пребывания в Китае, я оказался на ужине с одним из его старших редакторов. Во время разговора выяснилось, что он и был тем переводчиком книги Клинтон, который подверг цензуре ее текст. Я страшно обрадовался этой удаче и попытался расспросить его. Мне хотелось узнать, чем руководствуется цензор. Где проходит

грань между допустимым и недопустимым — какие слова и темы под запретом, а какие нет? Что происходит, когда политическая ситуация меняется и вместе с ней меняются правила? Как осуществляется связь с должностными лицами Бюро печати и публикаций? *Как выяснилось, в основном по телефону.* Когда мои вопросы посыпались один за другим, редактор снисходительно улыбнулся. «У нас никто не называет это “цензурой”, — заметил он. — При работе с текстом мы смотрим на процесс как на “подгонку одежды”. Немного укоротить здесь, немного обрезать там, немного подправить, и смотрите — теперь все сидит гораздо лучше».

Удивительно, но именно так воспринимали свою работу цензоры в Европе XVIII в. Они видели в ней своего рода полезное сотрудничество с авторами, призванное улучшить, а не обеднить текст. Само слово «цензор» — как в Древнем Риме, где оно появилось, так и в постсредневековой Европе — просто обозначало радеющего за общественное благо чиновника, в обязанности которого входил надзор за общественной моралью. Более того, на протяжении столетий, до того как свобода печати и свобода слова стали ведущими идеологическими принципами, повсеместно считалось само собой разумеющимся, что публичные высказывания, письменное изложение взглядов и печать должны регулироваться государством. В старые времена простые люди постоянно судились друг с другом из-за произнесенных или написанных бранных слов, а власти следили за подобными вещами ради общего блага. Никто не считал свободу выражения мнений фундаментальным личным правом. По какой причине — и когда именно — все изменилось? Какова история свободы слова?

К моему разочарованию, попытки найти книги на эту тему ни к чему не привели. Хотя о цензуре в разные времена и в разных местах написаны бесчисленные тома, история свободы слова

как современной концепции почти не привлекала внимание и интересовала разве что американских исследователей, зачищенных на Первой поправке. При этом современное употребление термина казалось неясным и смахивало на лозунг, которым прикрываются, чтобы добиться известности или обличить оппонентов.

Размышления на эту тему не оставили меня, когда через несколько месяцев, летом 2016 г., я переехал в Америку, чтобы занять новую должность. Там быстро выяснилось, что граждане моей новой родины все же не избрали Хиллари Клинтон следующим президентом. Вместо этого их выбор пал на опасного неуравновешенного демагога — человека, который, похоже, добился самой высокой в мире должности главным образом за счет распространения возмутительной лжи в социальных сетях десяткам миллионов людей. Его восхождение только усугубило проблему. Казалось, никто не может остановить это — все упиралось в священное право на свободу слова. Безусловно, мир полон опасных, лживых демагогов. Но то, как американцы говорили о свободе слова, а точнее, одержимо превозносили ее, разительно отличалось от понимания этого феномена в Британии, Европе, Индии, Китае, Индонезии или где-либо еще. Почему так произошло? Когда возникли эти культурные различия? И как, задумался я, изучение истории свободы слова может помочь осмыслить ее границы в современном мире?

Теперь, став американским гражданином, я понял, как мои новые соотечественники относятся к свободе слова. Однако я все же англичанин с индийскими корнями, который вырос в Европе во времена холодной войны, и поэтому вижу, насколько по-разному в разных культурах мира относятся к свободе слова,

насколько уникален нынешний американский подход и в какой степени это вопрос не рационального восприятия, а, по сути, веры. Значение Первой поправки — это не только сложная правовая доктрина, но и своего рода светская религия со своими меняющимися догмами и жизнеописаниями.

Ничто из этого нельзя объяснить, если рассматривать историю свободы слова только как национальный вопрос. С учетом того, сколько написано об эволюции американской идеи свободы слова, я, например, не предполагал обнаружить что-то новое. Но, к моему удивлению, мне это удалось почти сразу — отчасти благодаря сравнительному подходу к фактам. Чтобы увидеть различия, нужно сопоставить культуры друг с другом и понять, совпадают или расходятся их исторические траектории. Есть и другая причина необходимости транснационального подхода. Свобода слова и свобода печати всегда были международными концепциями, которые постоянно мигрировали и переосмыслились. Когда люди апеллировали к ним в прошлом, они неизменно сравнивали свою ситуацию с тем, что происходило в других местах и в другие времена. Мы поступаем так до сих пор. Свобода слова имеет разный смысл в разных культурах, но это также архетипическая глобальная концепция, и ее история тоже должна быть глобальной.

Это не значит, что нужна история свободы выражения мнений во все времена и повсюду — такая книга оказалась бы нечитабельной, да и написать ее было бы невозможно, поскольку не существует единой истории свободы слова. Несмотря на распространенное желание представить ее как повествование об интеллектуальном прогрессе, а также на усилия теоретиков, свобода слова казалась скорее мантрой, взятой на вооружение, а не гармоничной концепцией. Именно поэтому мы не сможем прийти к согласию относительно ее точного определения. Свобода слова не является естественным состоянием,

а цензура — противоестественным, как часто подразумевается при рассмотрении этих тем. Неверно также распространенное предположение, что свобода слова — это в основном вопрос о темах, которые можно обсуждать. Ее контуры определяются не только содержанием. Наконец, свобода выражения мнений — это не то, что возникает естественным образом при ослаблении ограничений. Напротив, это глубоко искусственная концепция. И ее теория, и ее практика всегда имеют особую форму. Чтобы отследить эту изменяющуюся форму, как сделано в книге, требуется нечто большее, нежели простое перечисление меняющихся табу на определенные слова и идеи. Речь также идет о выявлении неравенства в распределении властных полномочий: кто может говорить, а кто вынужден молчать; чьи голоса звучат громче и почему. И о том, как на эти дисбалансы влияли изменения в медиаландшафте в последние 500 с лишним лет — от обществ, в которых преобладала устная коммуникация, до изобретения и распространения книгопечатания и глобальных медиареволюций нашего времени. Именно эти более глубокие вопросы истории свободы слова рассматриваются в данной книге.

Чтобы ответить на них, я выделил наиболее значимые, на мой взгляд, темы и эпизоды в процессе формирования и распространения этого не очень четкого, но неизменно привлекательного набора идеалов. Законы и их применение служат ключевыми показателями того, как культуры определяют и практикуют свободу выражения мнений, а также распределение власти в обществе. Судебные прецеденты, таким образом, играют важную роль в повествовании. Однако эта книга посвящена не истории права, а политике свободы слова в более широком смысле и ее эволюции — особенно в качестве идеала. Как будет показано, теория свободы слова всегда отставала от практики — алчность, технологические изменения и соображения политической

целесообразности систематически опережают законодателей и философов.

Свобода слова опасна по двум причинам. Одна из них — способность расшатывать ортодоксальные устои, давать голос бунтарям и иконоборцам, побуждать людей к действиям. Именно поэтому мы склонны превозносить ее. Другая же причина более тревожна. На протяжении всей истории этот идеал постоянно использовался властью имущими, злонамеренными и корыстными людьми ради личной выгоды, чтобы заставить других замолчать, посеять раздор и исказить истину.

Свобода выражения мнений может принимать множество форм — от одежды и поведения до кино, музыки, карикатур и искусства всех видов. Но ее современная история особенно тесно связана с печатным словом. В XVIII и XIX вв., когда свобода слова превратилась в глобальную влиятельную идеологию, печатный станок был самой эффективной технологией коммуникации. По этой причине законы и дискуссии о свободе выражения мнений фокусировались на свободе печати. В заключительной главе этой книги мы поговорим о том, как доминирующее положение печатного станка повлияло на отношение к самим высказываниям и появившимся позже средствам массовой информации, таким как радио, телевидение и интернет. До нее речь в основном пойдет об устном, письменном и печатном слове.

В книге особое внимание уделяется англоязычному миру, который рассматривается через призму сравнительного анализа. Это объясняется не только тем, что именно там зародились и получили развитие первые влиятельные модели свободы слова и печати, но и нынешним доминированием американских медиакомпаний на глобальном рынке онлайн-коммуникаций. Независимо от отношения к этому факту, крайне важно понимать, когда и почему англоязычный мир выработал свой взгляд

на свободу слова, и сопоставить его с историческими траекториями других культур.

Глубина проработки разных моментов в книге варьирует в широких пределах — от детального анализа, когда речь идет о ключевых личностях и идеях, до панорамного обзора масштабных тем и вопросов. В первых трех главах прослеживается путь от эпохи, предшествовавшей появлению свободы слова, до формирования современной концепции этой идеи в начале XVIII в. Следующие четыре главы посвящены исследованию того, как этот идеал воплощался в жизнь в разных частях света разными группами людей: в рабовладельческих обществах Карибского бассейна и Северной Америки, проповедовавших превосходство белой расы; в бедных, периферийных с точки зрения научной и философской мысли королевствах Скандинавии, которые тем не менее первыми в мире приняли законы о свободе слова; во Франции и США, чья взаимосвязанная история свободы слова имела далекоидущие последствия. В заключительной главе раскрываются изменения во взглядах и законодательстве США в XX в. с акцентом на устойчивое, но недооцененное влияние международной социалистической и коммунистической критики на американское мировоззрение.

Главная причина такого подхода к исследованию — показать, что свобода слова никогда не была устойчивой концепцией ни в теории, ни на практике и видоизменялась под влиянием локальных приоритетов. Свобода слова не имела единого понимания, и поэтому невозможно анализировать эволюцию этого понятия, опираясь на фиксированные сравнительные категории. В то же время свободу печати и слова нельзя назвать абсолютно размытым набором идей: со временем сложились влиятельные интеллектуальные традиции, которые сохраняются до сих пор. В некоторых главах подробно рассматривается, как процесс переосмысления и принятия этих идей происходил в ключевые

переломные моменты. Например, одна из причин уникальности англоязычных практик кроется в колоссальном влиянии двух основополагающих английских текстов: сборника эссе XVIII в. под названием «Письма Катона», в котором, по сути, сформулирован современный идеал политической свободы слова, и трактата философа Джона Стюарта Милля «О свободе», развившего эту идею в XIX в. В обоих случаях современникам и последующим читателям аргументация казалась неоспоримо авторитетной, хотя на самом деле тексты были пронизаны личными предубеждениями и интеллектуальными изъясаниями.

Как мы увидим, до появления современных концепций свободы печати и слова люди на протяжении тысячелетий совершенно иначе воспринимали силу самовыражения, и многие из тех представлений влияют на наше мировоззрение до сих пор. Формулирование идеалов свободы преследовало в разное время разные цели. Древние концепции, например, ассоциировались с передачей гласа Божьего или смелым советом правителю. В эпоху Возрождения сложилась схоластическая версия, лежавшая в основе академического общения тогдашних интеллектуалов, а также протестантская, сосредоточенная на свободе совести. Однако самым значимым стало право высказываться по вопросам общественной значимости. Этот вид свободы слова последним получил полное теоретическое обоснование и принял разные формы в европейских культурах, хотя повсеместно признавался наиболее важным. Именно этот тип самовыражения — политическая свобода слова в широком смысле — остается центральным в современном глобальном понимании данной концепции и по праву занимает главное место в книге.

Несмотря на различия, все современные модели свободы слова изначально возникли на Западе. До 1700 г. неевропейские культуры располагали развитыми системами устной, письменной и печатной коммуникации, некоторые из них издавна

проявляли терпимость и даже поощряли свободу религиозного самовыражения, существование королевских советов и других совещательных структур. Однако конкретные концепции и практики, рассматриваемые в этой книге, особенно понимание свободы слова и печати как политических прав, зародились в Европе и уже оттуда разошлись по миру. История о том, как они насаждались и интерпретировались в разных уголках планеты, неразрывно связана с имперской практикой и ее наследием в современном мире. Что означало для европейских поселенцев провозглашение свободы слова, когда они держали в рабстве людей с другим цветом кожи, отказывали им в праве голоса и называли это цивилизацией? Как современники воспринимали это? Что означала свобода слова для коренных народов, рабов и борцов с колониализмом? Каковы долгосрочные постколониальные последствия этой истории? Эти вопросы рассматриваются на протяжении всей книги, а особенно подробно в двух предпоследних главах, где прослеживается история свободы слова в Индии от колониальных времен до нынешних дней. Поскольку основное внимание уделяется регионам, где идеи свободы слова и печати появились раньше всего и оказали наибольшее влияние, за рамками анализа остались события на Дальнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. Надеюсь, историки этих регионов смогут при необходимости дополнить и скорректировать мои гипотезы.

При исследовании этих вопросов главным интеллектуальным ориентиром для меня стали блестящие работы философов, юристов, литературных критиков, феминисток и других мыслителей, которые в последние десятилетия занимались проблемами свободы слова и цензуры в современном мире. В их числе Кэтрин Маккиннон, Фредерик Шауэр, Джереми Уолдрон, Рональд Дворкин, Роберт Пост, Стэнли Фиш и Рей Лэнгтон. Несмотря на то что они нередко противоречат друг другу,

а я далеко не во всем согласен с ними, их общие наблюдения легли в основу моего исторического исследования.

В соответствии с традиционным обывательским представлением о свободе слова, чем больше возможностей для выражения мнения, тем лучше и для личности, и для общества, поскольку слово безвредно, в отличие от действия, а дискуссия способствует поиску истины. По этой логике цензура ограничивает личную свободу, навязывается государством, направлена против нежелательных идей и в целом является неестественной и нежелательной практикой. Однако большинство современных теоретиков, как и многие мыслители прошлого, придерживаются иной точки зрения. Они рассматривают высказывания как одну из форм действия и не проводят между ними строгой границы (как однажды объяснил Вольтер другу: «Я пишу для того, чтобы действовать»). Они также признают, что власть и доминирование проявляются во множестве форм, а не только в тех, которые навязывает нам государство. В их работах показано, как голоса сильных мира сего заглушают голоса бесправных и как это касается норм и законов о свободе выражения мнений. Создание и интерпретация правил свободы слова — это непрерывно меняющийся политизированный процесс: свобода никогда не распределяется равномерно. Цензура также не является прерогативой исключительно государства: формальные и неформальные правила выражения мнений вездесущи. Мы называем такие правила цензурой, когда не одобряем их, но в действительности они неизбежны. Причина не только в том, что они заложены в обычных социальных нормах, но и в более фундаментальном факторе. Сама коммуникация зависит от правил и ограничений, иначе она не будет понятной. Человек, даже когда разговаривает сам с собой, следует некоторым из них. Свобода требует ограничений.

Именно на такие интеллектуальные подходы я опирался в своем исследовании. Хочется верить, что проведенный анализ убедит как широкую публику, так и профессионалов — юристов, философов и других исследователей современной концепции свободы слова — в том, что ее история помогает лучше понять и преодолеть нынешние противоречия. Ведь цель книги состоит не в навязывании читателю взглядов на свободу слова, а в том, чтобы показать, как размышлять о ней в глобальном и локальном плане. Задача заключается в объяснении истоков нынешнего положения дел, демонстрации того, как история усложняет современные представления, как она поднимает новые вопросы и открывает возможности для будущего.

ГЛАВА 1

Сила слова

На протяжении большей части истории свободу слова в современном понимании нельзя было назвать ни внятной концепцией, ни тем более идеалом. Случалось, что люди говорили свободно, не обращая внимания на общепринятые условности, — например, когда нужно было предупредить о надвигающейся опасности. Однако такой способ выражения оставался исключительным и подчинялся собственным, давно установленным риторическим правилам. В подавляющем большинстве обществ подчеркивались опасности, а не преимущества открытого высказывания.

Причина крылась в осознании могущества слова. Во всех культурах мира речь использовалась для обращения к сверхъестественным силам через заклинания, проклятия, клятвы, обеты, молитвы, благословения и заговоры. Бранные слова могли привести к политическому инакомыслию и общественным беспорядкам, разрушить семью и нанести урон репутации. Безусловно, даже в не слишком просвещенных обществах высказывания воспринимались как действие особого рода. Моральный кодекс древних зороастрийцев Персии признавал: благие слова и благие дела — это разные вещи. Европейцы XVI в. понимали, по выражению Шекспира, что «слова — лишь ветер», и относились к ним как к зыбким и ненадежным сущностям. При этом все считали, что слово может обладать огромной силой и должно

использоваться с осторожностью. Этому учила каждая древняя цивилизация. «Слово как птица, вылетит — не поймашь», — предостерегала ассирийская пословица. «Все кроется в сказанном», — предупреждал древнейший индийский свод законов. «Укравший слово виновен в краже всего», «Будь искусен в речах», — наставляли египетского правителя за 2000 лет до рождения Христа, ибо «язык — меч для человека, а хорошая речь доблестнее любого сражения» *.

Эти принципы унаследовали и продолжили развивать в последующие века иудеи и христиане в ближневосточной и европейской культурах. В основе средневекового христианства лежал обряд пресуществления, когда произнесение сакральных фраз превращало вино и хлеб в кровь и тело Христа. Библия также изобилует предостережениями о силе произнесенного слова. «Жизнь и смерть во власти языка», — гласит Книга Притчей. «Язык — огонь, прибежище неправды, — предупреждал апостол Иаков. — Никто не может укротить язык; это неудержимое зло, исполненное смертельного яда». В других фрагментах Писания слово сравнивается с бичом, жезлом, бритвой, мечом, луком, стрелой, глубокой ямой, пылающим огнем и в целом представляется опасным и смертоносным оружием.

* Орфография и пунктуация цитат из старых работ в целом были модернизированы. Если не указано иное, все переводы на английский язык сделаны мной, а выделенные цитаты взяты из первоисточника. В целях экономии места я отказался от отдельной библиографии. Библейские цитаты взяты из перевода короля Иакова 1611 г. Ссылки на законодательство штатов США, если не указано иное, взяты из оригинальных текстов, собранных в онлайн-базе данных Hein «Иллюстрированные конституции штатов» (State Constitutions Illustrated); ссылки на «Письма Катона» относятся к дате и тексту их первоначальной газетной публикации. — *Здесь и далее прим. авт. кроме особо оговоренных случаев.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru